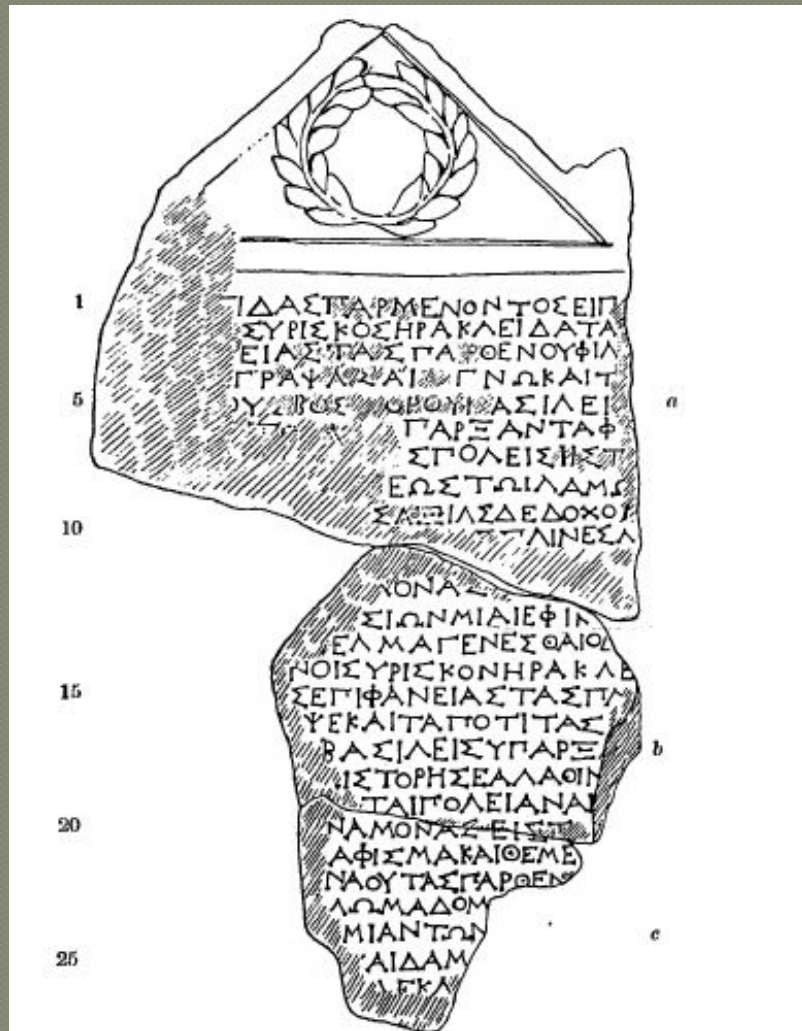

Состязание Гомера с Гесиодом

- Первая лекция историко-археологического клуба «Сириск»

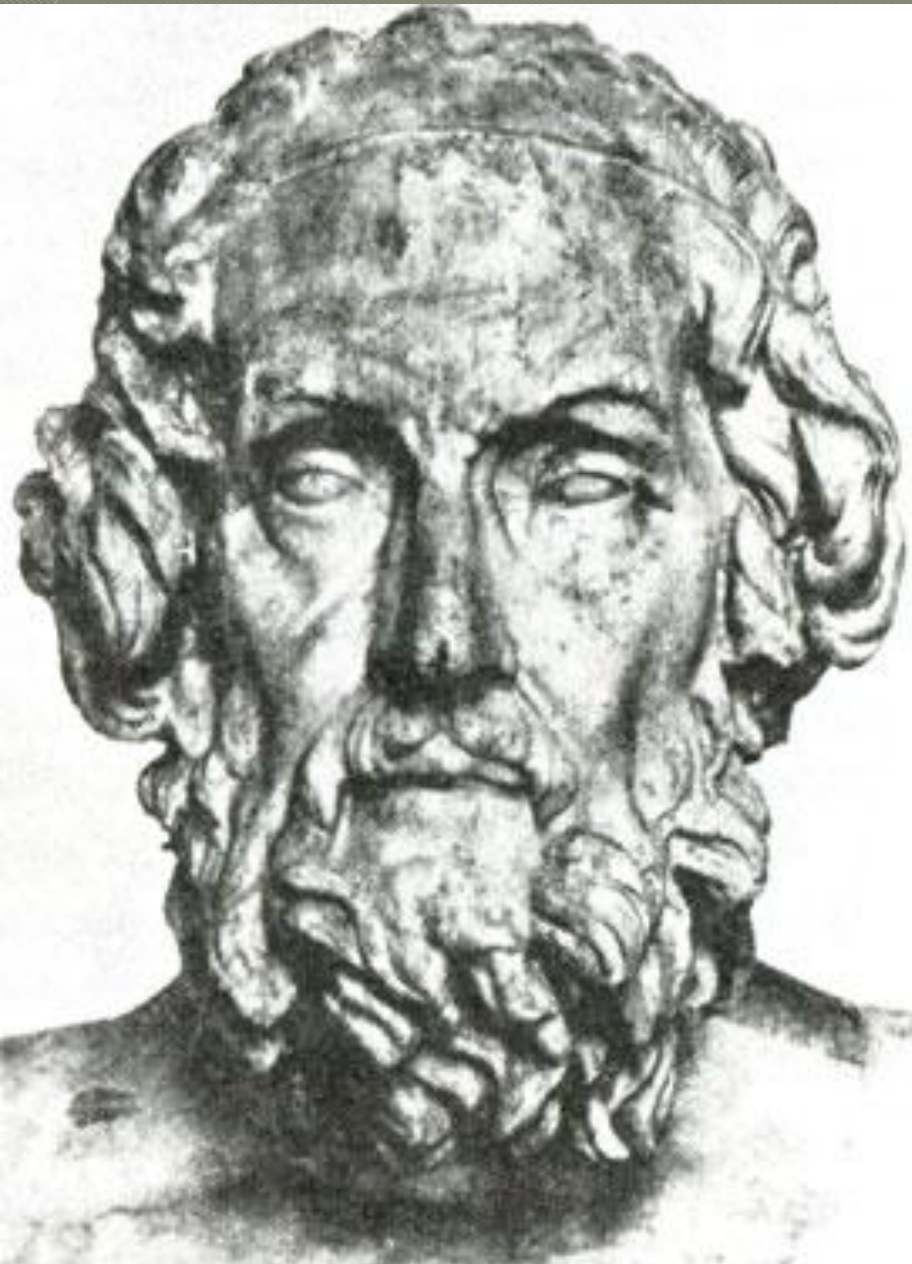
● Декрет в честь историка Сириска. III в. до н. э. IOSPE I2 № 344

● Гераклид, сын Парменонта, предложил: поскольку Сириск, сын Гераклида, явления Девы, трудолюбиво описав, прочитал, и про отношения с царями Боспора рассказал, и бывшие дружеские отношения с городами исследовал согласно достоинству народа, — то дабы он получил достойные почести, да постановит Совет и Народ похвалить его за то, и симмномам увенчать его золотым венком в Дионисии, в 21 день и быть провозглашению: «Народ венчает Сириска, сына Гераклида, за то, что он описал явления Девы и бывшие дружеские отношения с городами и царями исследовал правдиво и согласно с достоинством государства. Написать симмномам на каменной плите народное постановление и выставить в притворе храма Девы; понесенный же расход выдать согласно решению казначею священных сумм. Это решено Советом и Народом месяца... в десятый день...»
(пер. В. В. Латышева)

Омир славный творец

Великий Слепой

- Портрет Гомера. Римская копия с греческой статуи IV в. до н. э.

Хиосская монета, IV в. до н. э.

Рельеф Архелая из Приены II в. до н.э
апофеоз Гомера, увенчание его венком
Ойкуменой и Хроносом (Миром и Временем) .

Запись поэм Гомера

- «Писистрат, который первый, говорят, привел дотоле разрозненные поэмы Гомера в тот порядок, в каком мы читаем их теперь».

- Марк Туллий Цицерон. Об Ораторе

● Античность сформировала образ идеального поэта. Таковым стал Гомер, в историчности которого древние не сомневались. Определение «божественный» было частым эпитетом героев в гомеровском эпосе, и оно же стало прилагаться к имени самого Гомера начиная с Аристофана. «Божественным» называет Гомера рапсо́д Ион в раннем диалоге Платона.

● Известен моностих «Аполлон о Гомере»: «Я сочинил песнь, а записал ее божественный Гомер».

● Анонимный автор «Жизни Гомера», в свою очередь, сообщал, что на о. Хиос граждане города поставили гробницу поэту с такой эпитафией: «Здесь земля покрывает священную голову, изобразившего воителей героев, божественного Гомера».

● Существовали и различные версии происхождения поэта от бессмертных: от реки Мелес, от музы Каллио́пы, от «демона,

- Обширная литературная традиция о Гомере уже в эпоху архаики приписывала его авторству множество произведений кроме «Илиады» и «Одиссеи»: «Гомеровские гимны», «гомеровские эпиграммы», «Маргита», «Войну мышей и лягушек», «Фиваиду» и другие киклические поэмы.
- От Великого Слепца вели род хиосские Гомериды – династия поэтов-рапсодов.
- Цитаты и реминисценции из произведений Гомера рассыпаны по всей античной литературе: от произведений поэтов и философов до биографий знаменитых людей.
- Эсхил называл свои трагедии «крохами от великих пиров Гомера»; Тиртей вдохновлялся Гомером при создании маршевых песен.
- «Так и толпа песнопевцев бледнеет, Гомер, пред тобою, / Самым блестящим огнем между светилами Муз» – писал Леонид Тарентский в III в. до н. э.

- И, главное, Гомер стал фигурой не просто поэта, но мудреца, сведущего во всех областях интеллектуальной деятельности: он – первый и всезнающий географ у Страбона, искусный оратор у Квинтилиана.
- В Гомере также видели специалиста в военном искусстве, сельском хозяйстве, искали у него рекомендации буквально на все случаи жизни, хотя уже в III в. до н.э. ученый и поэт Эратосфен опровергал мнение о Гомере как о специалисте во всех областях знания и указывал, что «поэт заботится только о том, чтобы развлекать, а не поучать».
- Образ Гомера как идеального поэта и первого ученого не только утвердил в античной литературе идею о божественном происхождении поэта и поэзии. Он также засвидетельствовал появление поэзии как индивидуального творчества, стремление «поставить Гомера над сферой безличной устной традиции».

Немного о цитатах из Гомера

- Школьники повсеместно разучивали Гомера. Непрерывность традиции начинать грамматическое обучение с «Илиады» и «Одиссеи» прослеживается в грекоязычном мире вплоть до времени М. Пселла (XI в.), сообщавшего, что школьники заучивают по 30 строф «Илиады» в день, а особенно талантливые ученики – до 50.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Солон

- Мегаряне упорствовали в намерении вернуть себе Саламин; много вреда причиняли они во время этой войны афинянам, и сами терпели от них. Наконец, обе стороны пригласили спартанцев в посредники и судьи. По свидетельству большей части авторов, Солону помог в этом споре авторитет Гомера: говорят, Солон вставил в «Список кораблей» стих и прочел его на суде:

*Мощный Аякс Теламонид двенадцать судов
саламинских
Вывел и с оными стал, где стояли афинян фаланги.*

- («Илиада», II, 557—558)

Платон о Гомере

- А о том, что на Геру наложил оковы ее сын, Гефест, который был сброшен с Олимпа своим отцом, хотевшим заступиться за избиваемую жену, или о битвах богов, сочиненных Гомером, – такие рассказы недопустимы в нашем государстве, все равно сочинены ли они с намеком или без него. Ребенок не в состоянии судить, где содержится иносказание, а где нет, и мнения, воспринятые им в таком раннем возрасте, обычно становятся неизгладимыми и неизменными. Вот почему, пожалуй, всего более надо добиваться, чтобы первые мифы, услышанные детьми, самым заботливым образом были направлены к добродетели.
- ...Значит, нельзя принять эти заблуждения Гомера или другого поэта относительно богов: Гомер безрассудно заблуждается...

(Республика)

Бич Гомера

- Зоил из Амфиполя, тот, кто писал против Гомера, Платона и других, был учеником Поликрата. А этот Поликрат был автором сочинения, направленного против Сократа. Зоила прозвали риторическим псом. Выглядел он вот как: ходил с окладистой бородой, наголо стриг голову и носил короткий до колен гиматий. Зоил всегда злословил о людях, только и делал, что наживал себе врагов и был удивительно придирчив. Однажды кто-то из философов спросил его, почему он всех хулит. «Потому, — был ответ, — что не могу, как мне того хочется, причинить им зло».
(Клавдий Элиан. Пёстрые рассказы)

Coca-Cola для тебя,

Зол

Вливайся!

Эпос

- **Строгий (ранний) эпический стиль:**
- а) Объективность.
- б) Вещественное изображение жизни.
- в) Традиционность.
- г) Монументальность.
- д) Героизм.
- е) Уравновешенное спокойствие.

- **Свободный, или смешанный (поздний), эпический стиль.**
- а) Эпические жанры, кроме героической поэмы.
- б) Лирика.
- в) Драматизм.
- г) Комизм, бурлеск, юмор, сатира, ирония, сентенциозность.

- (По А. Ф. Лосеву)

Эпос

- Эпические повторения
- Сравнения
- Эпитеты
- Ретардация
- Богатство изобразительных сцен
- Неравномерность описания действий
- ЛИЧНОСТЬ АВТОРА НЕ ПРОЯВЛЯЕТ СЕБЯ

(История греч. литературы, Т.1, 1946)

Дидактический эпос

- «Эпос Гесиода по содержанию, характеру, направленности отличен от гомеровского. Его называют дидактическим, т. е. поучительным. Он ставил целью в наглядной стихотворной форме донести определенные воззрения, взгляды, даже преподать мораль. Если Гомер – личность почти мифическая, то Гесиод – реальная. Это первый греческий автор, о котором сохранились, достоверные биографические сведения, о чем сообщает сам Гесиод в поэме, что было новым словом в литературе.
- В гомеровскую эпоху творцами поэм являлись народные певцы аэды, оставшие себя «самоучками», которых боги наградили «законами песен». Они были выразителями настроений, чувств, а главное – мирозерцания сообщества людей, рода, племени. Они из него не выделялись, напротив, выражали «глас народа», а потому личность певца как бы растворялась в тексте, отходила на второй план. Иное дело Гесиод».
(Б. А. Гиленсон)

Псевдо-Сенека из Геркуланума

- По предположению Г. Рихтер и Г. Хафнера, возм., Гесиод. У Павсания упоминаются статуи Гесиода, стоявшие в Олимпии и в Феспиях.

Труды и дни

- Вас, пиерийские Музы, дающие песнями славу,
Я призываю, - воспойте родителя вашего Зевса!
Слава ль кого посетит, неизвестность ли, честь иль
бесчестье -
Все происходит по воле великого Зевса-владыки.
Силу бессильному дать и в ничтожество сильного
ввергнуть,
Счастье отнять у счастливца, безвестного вдруг
возвеличить,
Выпрямить сгорбленный стан или спину надменному
сгорбить -
Очень легко громовержцу Крониду, живущему в
вышних.
Глазом и ухом внимай мне, во всем соблюдай
справедливость,
Я же, о Перс, говорить тебе чистую правду желаю.

- Создали прежде всего поколение людей золотое
Вечноживущие боги, владельцы жилищ олимпийских,
Был еще Крон-повелитель в то время владыкою неба.

Жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душою,
Горя не зная, не зная трудов. И печальная старость
К ним приближаться не смела. Всегда одинаково
сильны

Были их руки и ноги. В пирах они жизнь проводили.
А умирали, как будто объятые сном. Недостаток
Был им ни в чем не известен. Большой урожай и
обильный

Сами давали собой хлебодарные земли. Они же,
Сколько хотелось, трудились, спокойно собирая
богатства.

[Стад обладатели многих, любезные сердцу
блаженных.]

После того как земля поколение это покрыла,
В благостных демонов все превратились они
наземельных

Волей великого Зевса: людей на земле охраняют,
[Зорко на правые наши дела и неправые смотрят.
Тьмою туманной одевшись, обходят всю землю, давая]
Людям богатство. Такая им царская почестъ досталась.

После того поколение другое, уж много похуже,
Из серебра сотворили великие боги Олимпа.
Было не схоже оно с золотым ни обличьем, ни мыслью.
Сотню годов возрастал человек неразумным
ребенком,
Дома близ матери доброй забавами детскими тешась.
А наконец, возмужавши и зрелости полной достигнув,
Жили лишь малое время, на беды себя обрекая
Собственной глупостью: ибо от гордости дикой не в
силах
Были они воздержаться, бессмертным служить не
желали,
Не приносили и жертв на святых алтарях олимпийцам,
Как по обычаю людям положено. Их под землею
Зевс-громовержец сокрыл, негодуя, что почестей люди
Не воздавали блаженным богам, на Олимпе живущим.

- Третье поколение Кронид по коленье людей говорящих
Медное создал, ни в чем с поколеньем не схожее с прежним.
С копьями. Были те люди могучи и страшны. Любили Грозное дело Арея, насильщину. Хлеба не ели. Крепче железа был дух их могучий. Никто приближаться
К ним не решался: великою силой они обладали, И неборные руки росли на плечах многомогущих. Были из меди доспехи у них и из меди жилища, Медью работы свершали: никто о железе не ведал. Сила ужасная собственных рук принесла им погибель.
Все низошли безыменно; и, как ни страшны они были,
Черная смерть их взяла и лишила сияния солнца.

- После того как земля поколенье и это покрыла,
Снова еще поколенье, четвертое, создал Кронион
На многодарной земле, справедливее прежних и лучше
-

-
Славных героев божественный род. Называют их люди
Полубогами: они на земле обитали пред нами.
Грозная их погубила война и ужасная битва.
В Кадмовой области славной одни свою жизнь
положили,
Из-за Эдиповых стад подвизаясь у Фив семивратных;
В Трое другие погибли, на черных судах переплывши
Ради прекрасноволосой Елены чрез бездны морские.
Многих в кровавых боях исполнение смерти покрыло;
Прочих к границам земли перенес громовержец
Кронион,
Дав пропитание им и жилища отдельно от смертных.
Сердцем ни дум, ни заботы не зная, они безмятежно
Близ океанских пучин острова населяют блаженных.
Трижды в году хлебодарная почва героям счастливым
Сладостью равные меду плоды в изобилье приносит.

● Если бы мог я не жить с поколением пятого века!
Раньше его умереть я хотел бы иль позже родиться.
Землю теперь населяют железные люди. Не будет
Им передышки ни ночью, ни днем от труда и от
горя,
И от несчастий. Заботы тяжелые боги дадут им.
[Все же ко всем этим бедам примешаны будут и
блага.

Зевс поколенья людей говорящих погубит и это
После того, как на свет они станут рождаться
седыми.]

Дети - с отцами, с детьми - их отцы сговориться не
смогут.

Чуждыми станут товарищ товарищу, гостю -
хозяин.

Больше не будет меж братьев любви, как бывало
когда-то.

Старых родителей скоро совсем почитать
перестанут;

Будут их яро и зло поносить нечестивые дети

Тяжкою бранью, не зная возможности божества

Теогония (О происхождении богов)

- С Муз, геликонских богинь, мы песню свою начинаем. На Геликоне они обитают высоком, священном...
- ...Песням прекрасным своим обучили они Гесиода В те времена, как овец под священным он пас Геликоном. Прежде всего обратились ко мне со словами такими Дщери великого Зевса-царя, олимпийские Музы: "Эй, пастухи полевые, - несчастные, брюхо сплошное! Много умеем мы лжи рассказать за чистейшую правду. Если, однако, хотим, то и правду рассказывать можем!" Так мне сказали в рассказах искусные дочери Зевса. Вырезав посох чудесный из пышнозеленого лавра, Мне его дали и дар мне божественных песен вдохнули, Чтоб воспевал я в тех песнях, что было и что еще будет. Племя блаженных богов величать мне они приказали, Прежде ж и после всего - их самих воспевать непрестанно.

Паросский мрамор

- Геродот (II, 53):
- "Мне кажется, что Гесиод и Гомер жили не более как за 400 лет до меня".
- Паросский мрамор:
 - После *начала творчества поэта Гесиода*, а случилось это во время царствования в Афинах ..., прошло 67[.] года.
 - После *начала творчества поэта Гомера*, а случилось это во время архонтства в Афинах *Диогнета*, прошло 643 года (907/06).

- Hesiod, Homeric Hymns, and Homericica
/ H. G. Evelyn-White
<https://ebooks.adelaide.edu.au/h/hesiod/white/complete.html>
- Русский перевод
http://simposium.ru/ru/node/13188#_ftnref1
- Пересказ М. Л. Гаспарова в «Занимательной Греции»
http://www.infoliolib.info/philol/gasparov/z_grec/122.html

- Встретились два певца на большом народном празднике в городе Халкиде. Зачинщиком состязания был Гесиод. Чтоб легче одержать победу, он вызвал Гомера на сочинение стихов не героических, а поучительных:

О песнопевец Гомер, осененный мудростью свыше,
Молви, какая на свете для смертных лучшая доля?

Ответ Гомера был мрачный:

Лучшая доля для смертных — совсем на свет не
родиться, А для того, кто рожден, — скорей отойти к
преисподним.

Гесиод спросил снова:

Молви, прошу, еще об одном, Гомер богоравный: Есть
ли для смертных для нас какая на свете услада?

Ответ Гомера был бодрый:

Лучшее в жизни — за полным столом, в блаженстве и в
мире Звонкие чаши вздымать и слушать веселые

- Гесиод сократил вопрос с двух стихов до одного:

Молви в коротких словах, чего нам молить у
бессмертных?

Гомер сделал то же самое:

Сильного тела и бодрого духа: не в этом ли
счастье?

Гесиод ухватился за последнее слово:

Что же у нас, кратковечных людей, называется
счастьем?

Гомер ответил:

Жизнь без невзгод, услады без боли и смерть без
страданий.

Увидев, что Гомер слагает поучительные стихи не хуже, чем он, Гесиод решил одолеть соперника хитростью. Он стал запевать загадочные или прямо бессмысленные строки:

~~Спой нам песню, о Муза, но спой не обычную песню: Не говори в ней о том, что бывало, что есть и что будет.~~

Гомер тотчас откликнулся:

Истинно так: никогда не помчатся в бегу колесничном / Смертные люди, справляя помин по бессмертному Зевсу.

Гесиод начал описание какого-то странного пира: Сели они, чтобы вволю поестъ коней быстроногих...

Гомер подхватил: ... коней быстроногих / Мирно пустили пастись: довольно они воевали.

Гесиод продолжал:

Так пировали они целый день, ничего не вкушая...

Гомер подхватил:

... ничего не вкушая / Из своего добра: но все им давал Агамемнон.

Гесиод продолжал: После свершили они возлиянья и выпили море...

Гомер и тут вышел из положения: ... Море / Стали они бороздить на своем корабле крутубоком

-
- Тогда Гесиод увидел, что Гомера не возьмешь и на загадках. Оставалось одно: чтобы каждый спел перед судьями тот отрывок своей поэмы, который он считает лучшим. Гомер запел о битве:

Щит со щитом, шишак с шишаком, человек с человеком
Тесно смыкался; касались светлыми бляхами шлемы,
Зыблясь на воинах: так аргивяне, сгустятся, стояли;
Копья змеилися, грозно колеблемы храбрых руками;
Прямо они на троян устремляясь, пылали сразиться...
Грозно кругом зачернелось ратное поле от копий,
Длинных, убийственных, частых, как лес; ослеплялися очи
Медным сияньем от выпуклых шлемов, безмерно
сверкавших,
Панцирей, вновь уясненных, и круглых щитов лучезарных
Воинов, к бою сходящихся...

- (Ил. XIII)

- А Гесиод запел о посеве:

Вечным законом бессмертных положено людям
трудиться:

Делай, что я говорю, за работой работу свершая!
Лишь на востоке начнут восходить семизвездьем
Плеяды,
Жать поспедай; а начнут заходить — за посев
принимайся.

Влажная почва ль, сухая ль — паши, передышки не
зная,

С ранней вставая зарею, чтоб пышная выросла нива.
Семя землею засыпь. Для смертных порядок и
точность

В жизни полезней всего, а вреднее всего беспорядок.
Склонятся так до земли наливные колосья на ниве —
Только бы добрый исход пожелал даровать Олимпиец!..

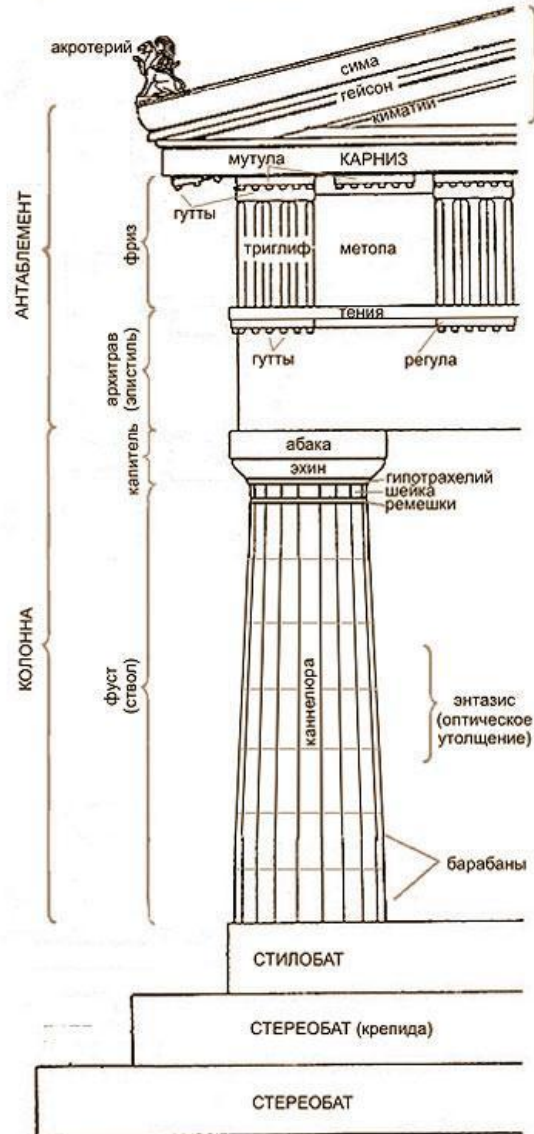
- (Труды и дни, 380 сл.)

- И тут опять эллины восхищенно рукоплескали Гомеру, настолько его стихи превосходили обычный уровень; и требовали провозгласить его победителем. Но царь отдал венок Гесиоду, объявив, что по праву тот человек, который призывает к миру и земледелию, должен получить приз, чем тот, который жил на войне и убивал. Таким вот образом, как мы рассказали, Гесиод добился победы и получил бронзовый треножник, который он посвятил Музам и надписал:

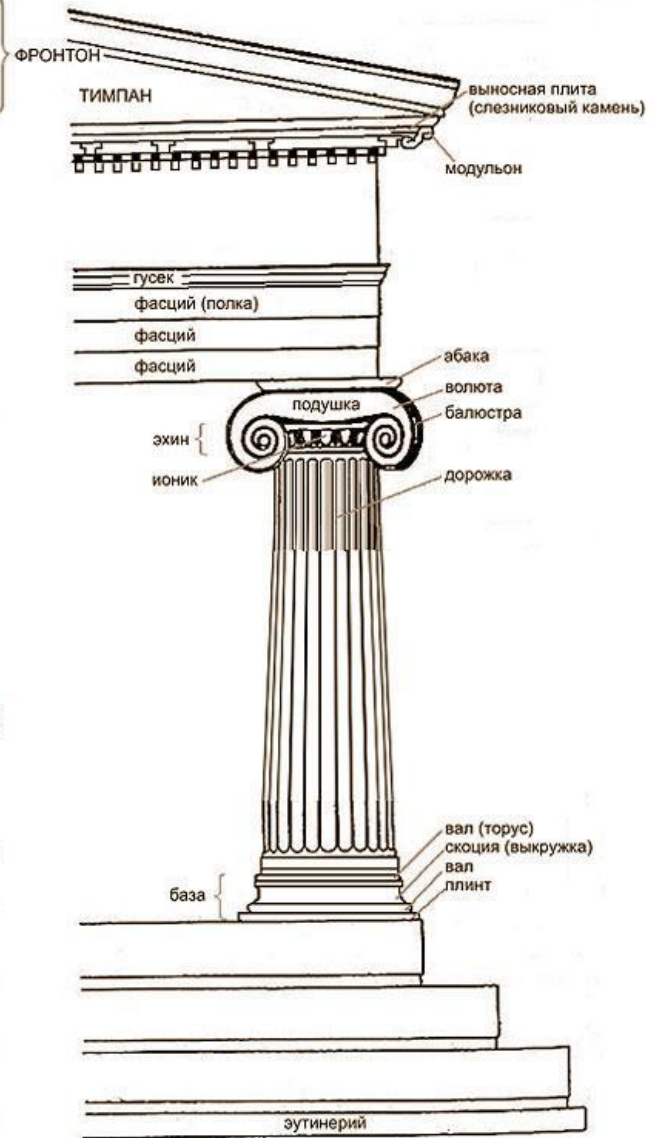
«Гесиод посвящает этот треножник Музам Геликона после победы над божественным Гомером в песенном состязании в Халкиде».

Появляется
ордерная
система

Дорический ордер

Ионический ордер

ДОРИЧЕСКИЙ

ИОНИЧЕСКИЙ

КОРИНФСКИЙ

Архаическая скульптура

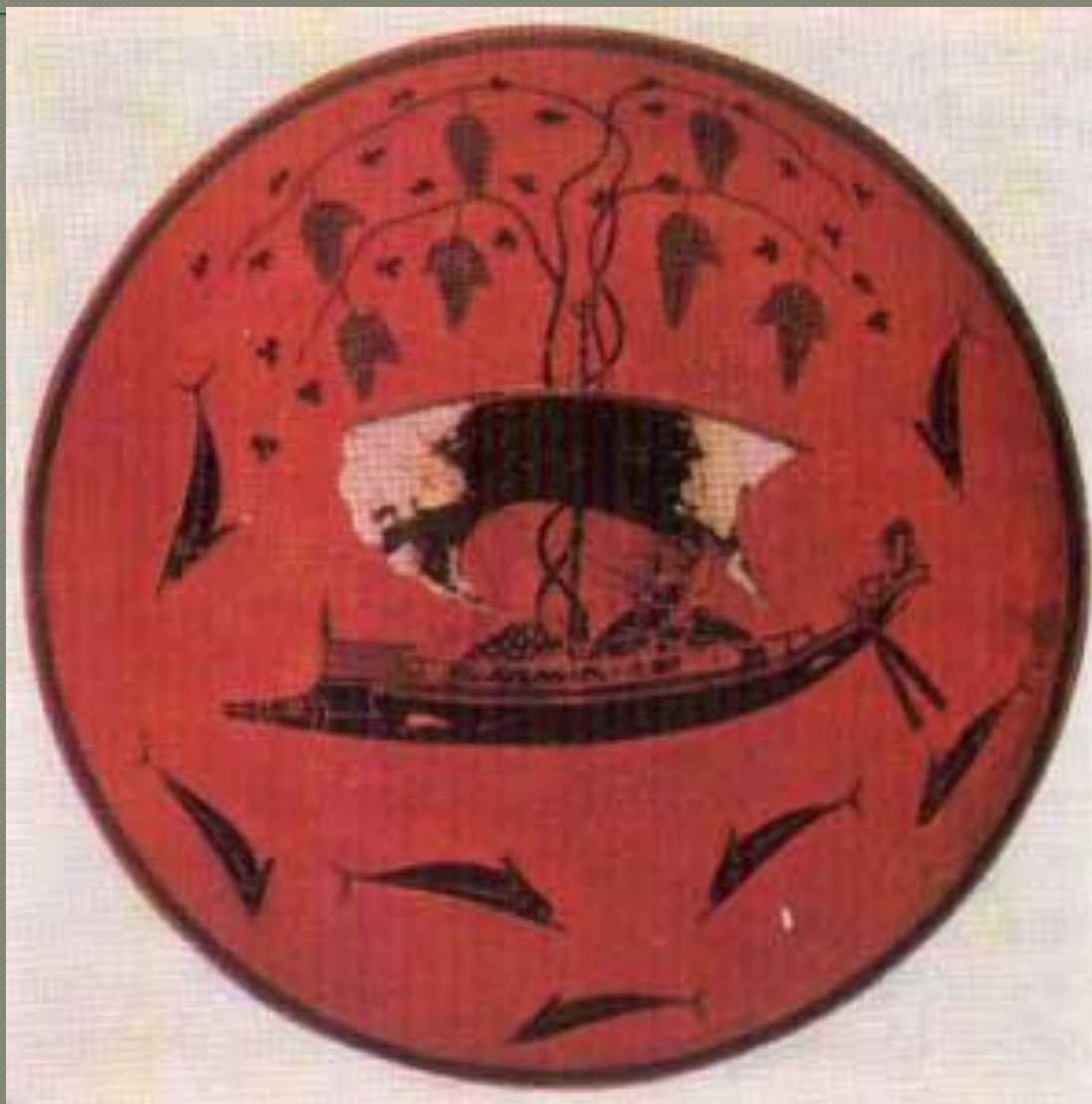

- <http://ellada.spb.ru/?p=203>

Геометрический стиль

Чернофигурная керамика

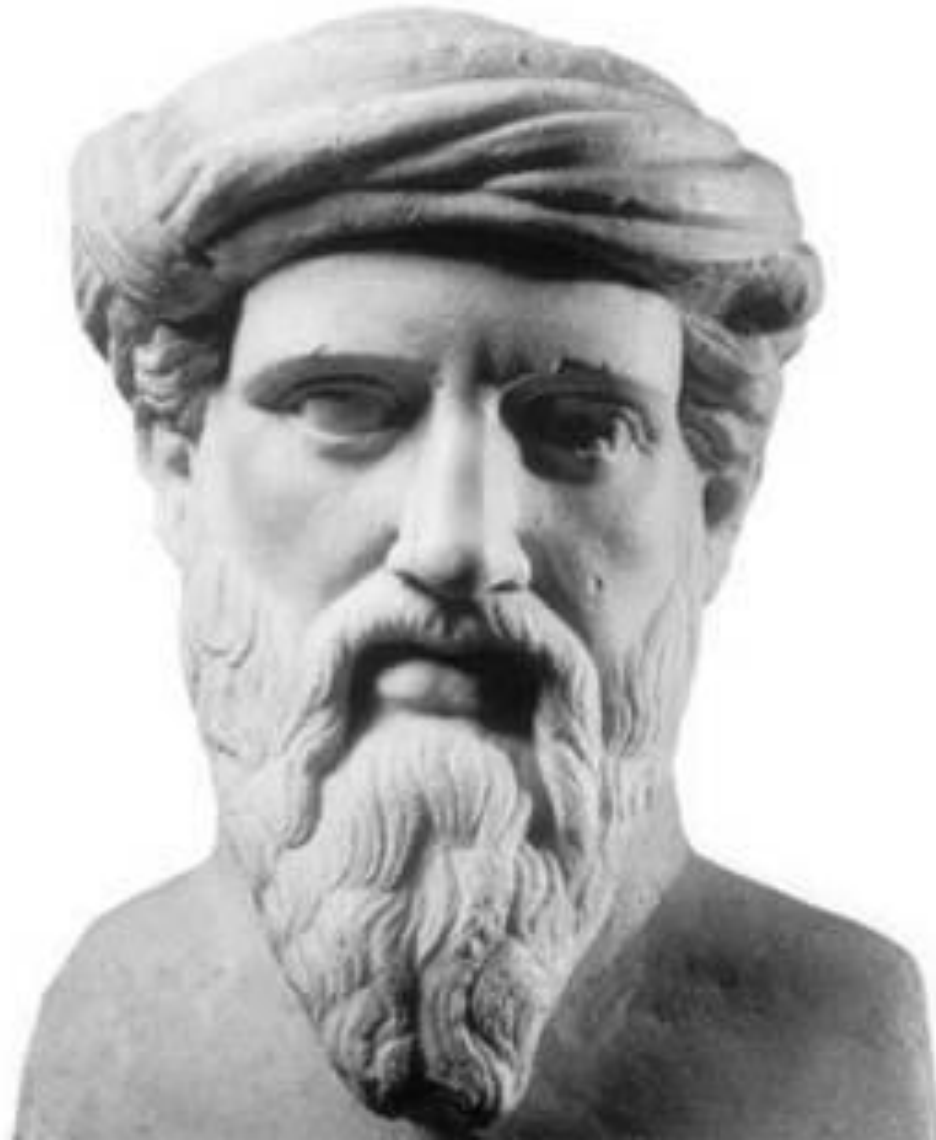
Рождение полиса

Рождение лирики

Рождение натурфилософии

Боги и герои эпоса в последующие эпохи

- О Троянской войне
- Лесх. Малая Илиада
- Ивик
- Пиндар. Оды
- Великие трагики
- Квинт Смирнский. После Гомера
- Аполлодор. Мифологическая библиотека
- Ликофрон. Александра
- Стесихор. О разрушении Трои
- Гигин. Мифы
- Стасин. Киприи, синопсис
- Дарет Фригийский. Повесть о разрушении Трои
- Коллуф. Похищение Елены
- Арктин. Разрушение Илиона
- Трифиодор. Взятие Илиона
- Дион Хрисостом. Троянская речь
- Филострат. Диалог о героях
- Павсаний. Описание Эллады
- Афинея. Пир мудрецов
- Лукиан. Правдивая история
- Вергилий. Энеида
- Проперций. Элегии
- Гораций. Оды
- Сенека. Троянки

Аполлодор

Позднее Елену похитил Александр. Как говорят некоторые, это случилось по воле Зевса, желавшего, чтобы его дочь прославилась, вызвав войну между Азией и Европой. Другие же говорят, что это было сделано Зевсом с целью возвеличить род полубогов. По той или другой причине Эрида бросила Гере, Афине и Афродите яблоко, являвшееся наградой за красоту, и Зевс приказал Гермесу привести богинь на гору Иду к Александру, чтобы тот их рассудил. Богини стали предлагать Александру дары. Гера сказала, что, если ей будет отдано предпочтение перед остальными, она предоставит Александру власть над всеми людьми. Афина обещала ему победу на войне, а Афродита — супружество Елены. Александр отдал предпочтение Афродите и отплыл в Спарту на корабле, изготовленном Фереклем. Девять дней гостеприимно принимал Александра Менелай; но, когда Менелай на десятый день отправился на остров Крит, чтобы похоронить своего деда с материнской стороны, Катрея, Александр уговорил Елену отплыть вместе с ним. Оставив девятилетнюю дочь Гермину и взяв из дома большую часть имущества, Елена ночью отплыла вместе с Александром. Но Гера послала им сильную бурю, и эта буря заставила их пристать к Сидону. Опасаясь преследования, Александр провел длительное время в Финикии и на Кипре, и только когда он нашел, что опасность преследования миновала, он прибыл в Трою вместе с Еленой. Но некоторые сообщают, что Гермес, выполняя волю Зевса, выкрал Елену, привез ее в Египет и отдал царю египтян Протею, чтобы тот ее охранял. Александр же прибыл в Трою, имея с собой сотворенный из облака призрак Елены.

Еврипид. Троянки

- Трагедия была поставлена на Великих Дионисиях 415 г. до н. э. и занимала третье место в трилогии, в которую входили также трагедии "Александр" и "Паламед". Содержание первой из них составляло узнавание родителями выросшего среди пастухов Париса (оно произошло во время погребальных игр, устроенных в Трое в память о мнимо погибшем ребенке), второй - ложное обвинение и казнь Паламеда. Поскольку действие всех трех трагедий происходило в Трое или в греческом лагере на Троянской равнине, охватывая историю Илиона от событий, предшествовавших войне, до ее окончания, и к тому же среди действующих лиц "Троянок" двое - Гекуба и Кассандра - принимали участие в действии "Александра", трилогия 415 г. представляла крайне редкий, если не единственный случай в творчестве Еврипида, когда три трагедии составляли связную трилогию, объединенную единством сюжета и художественного замысла. Впрочем, очевидная антивоенная направленность всех трех пьес снова лишила Еврипида в условиях подготовки Сицилийской экспедиции заслуженной награды: он удостоился только второго места, а победителем был признан второстепенный драматург Ксенокл.
(В. Н. Ярхо)

война

(431—404 до н. э.)

- Изображая участь побежденной Трои, Еврипид находился под впечатлением расправы, которую афиняне учинили в 416 г. над городом Мелосом: за отказ подчиниться Афинам он был осажден афинским войском, и после капитуляции все захваченные мужчины были умерщвлены, а женщины и дети обращены в рабство. (В. Н. Ярхо)

Кровь царей / Теперь в рабах. О, ужас перемены!..

- Царицей я была
По роду и по браку, принесла я
Блистательных детей - не рядовой
Они народ, а цвет фригийцев были.
Ни в Трое, ни в Элладе и нигде
Таких никто не принесет из женщин,
И даром бы хвалиться стали...
Их Я видела убитыми, и даром
Моих волос курганы их почтили.
Приама я оплакала, отца
Моих детей, и мне не кто-нибудь
Про смерть его поведал, а упал он,
Зарезанный, у самого костра
Геркейского, и на моих глазах
Передо мной горела Троя. Дев
Для избранных вскормила женихов я,
А их из рук повырвали, и нет
Надежды нам увидеться. Но зданья
Тяжелых бед вот и карниз: старуха,
В Элладе я рабою буду, самых
Для старости неподходящих дел
Достанется мне бремя, сторожить
Мать Гектора заставят их ворота
Иль хлеб месить. Спина взамен подушек царских
Попробует полов, и земляных.
Сквозь жалкие обноски царских риз И кожей истертой...
Горе, горе! Из-за одной любви, и сколько мук / В глаза еще глядит.

Гомер ("с мечом в руке, величьем сиян") Иллюстрация У. Блейка к Данте

Иллюстрация Г. Доре к Данте

Что он Гекубе, что ему
Гекуба?..

Г. Х. Андерсен

Все восточные сказания говорят о любви соловья к розе: в тихие звёздные ночи несётся к благоухающему цветку серенада крылатого певца.

Недалеко от Смирны, ¹возле дороги, окаймлённой высокими платанами, видел я цветущий розовый куст. Мимо него проходят, гордо выпрямляя свои длинные шеи и неуклюже ступая по священной земле тонкими ногами, навьюченные верблюды. В ветвях платанов гнездятся дикие голуби, и крылья их блещут на солнце перламутром.

На этом розовом кусте особенно хороша была одна роза; к ней-то неслась песня соловья, но роза молчала; ни капли росы не блестело на её лепестках слезою сострадания; она клонилась вместе с ветвями к лежавшему под кустом большому камню.

— Тут покоится величайший из певцов земных! — говорила роза. — Лишь над его могилой буду я благоухать, на неё буду ронять свои лепестки, оборванные ветром! Прах творца Илиады смешался с землёю, и из этой земли выросла я! Я — роза с могилы Гомера слишком священна, чтобы цвести для какого-то бедного соловья!

И соловей пел, пел, пока не умер.

Проходил караван; за начальником каравана шли навьюченные верблюды и чёрные рабы.

Маленький сын его нашёл мёртвую птицу, и крошечного певца зарыли в могиле великого Гомера, над которою качалась от дуновенья ветра роза.

Настал вечер; роза плотнее свернула лепестки и заснула. И снился ей чудный солнечный день; на поклонение к могиле Гомера пришла толпа чужеземцев-франков; между ними был певец из страны туманов и северного сияния. Он сорвал розу, вложил её в книгу и увёз с собою в другую часть света, на свою далёкую родину. И роза увяла от тоски, а певец, вернувшись домой, открыл книгу и сказал:

— Вот роза с могилы Гомера!

Вот что снилось розе; проснувшись, она вся затрепетала от сильного порыва ветра. Капля росы упала с её лепестков на могилу певца, но вот встало солнце, и роза расцвела пышнее прежнего, — она всё ещё была, ведь, в своей тёплой Азии.

Послышались шаги, явились чужеземцы-франки, которых видела роза во сне, и между ними был один северный поэт. Он сорвал розу, запечатлел на её свежем сердечке свой поцелуй и увёз её с собой в страну туманов и северного сияния.

Как мумия, покоится она теперь в его Илиаде и словно сквозь сон слышит, как он говорит, открывая книгу:

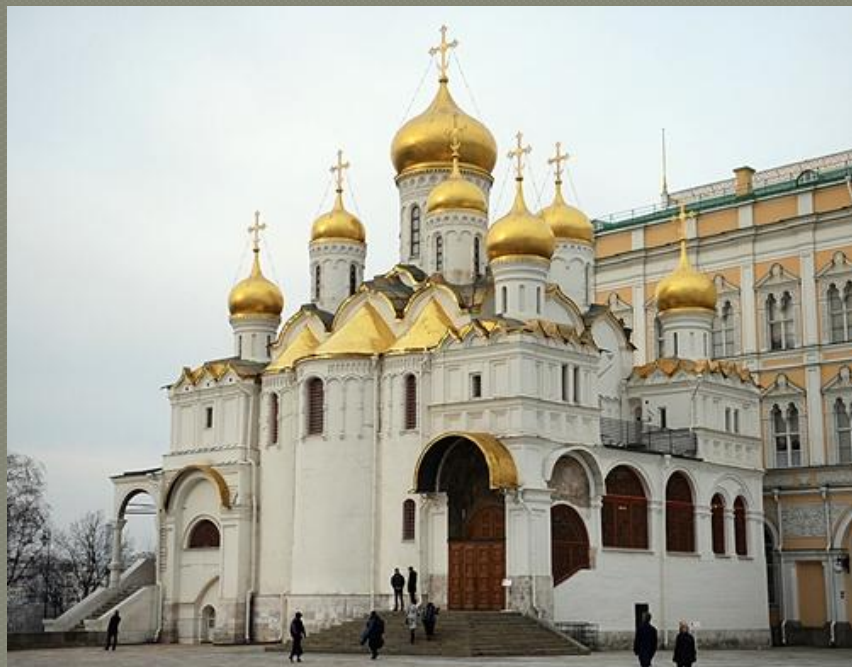
— Вот роза с могилы Гомера!

А. Н. Егунов, А. И. Зайцев. «ИЛИАДА» В РОССИИ

Гомер. Илиада. Л., «Наука», 1990. С. 417—427.

- Упоминание имени Гомера древнерусский читатель мог найти уже в Житии славянского первоучителя Кирилла, про которого там сказано: «И научи же ся Омиру», а в переведенном на древнерусский язык Слове Григория Назианзинского на погребение Василия Великого цитировался стих из «Илиады» (XI, 72).
- «Илиаду» (IX, 4—7) цитировал также Мефодий из Олимпа в сочинении «О свободе воли», а стихи «Илиады» VIII, 478—481 приводятся в переводе жития Патрикия Прусийского; в конце XVII в. идею о том, что в Тартаре мучатся эллинские боги, возьмет из гомеровской цитаты Жития Патрикия протопоп Аввакум.
- Имя царя Агамемнона фигурирует в «Повести временных лет», а в одной из редакций Жития Александра Невского он уподобляется «царю Алевхысу», т. е. Ахиллу.
- В 1679 г. в библиотеке московского Печатного двора имелось два экземпляра печатного издания поэм Гомера. Имелись издания Гомера в конце XVII в. и в других московских книгохранилищах.
- Изображения Гомера как провозвестника христианства вместе с Еврипидом, Плутархом, Платоном имелись в Благовещенском и Успенском соборах Московского Кремля.

БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ СОБОР МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

УСПЕНСКИЙ СОБОР МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

- Омир в Благовещенском соборе

Благовещенский собор.
Деталь створки западных врат. XVI в.:
Афродитиан и Омир

Надписи:

- Афродитиан:

Богу родитися от
девица святыя
Мария, в Него же и
аз верую

- Омир:

- Светило земли
въсияе в языке
Христос ходити (?)
ино искупити хотя
земная с
небесными

Христианский
праздник
Благовещения
и ветхозаветные
пророки
соседей
на створках
с языческими
античными
философами:
Гомером,
Афродитианом,
Еврипидом,
Плутархом,
Диогеном,
Менандром.

Послание Климента Смолятича

- Ты говоришь мне: «Тщеславишься, пишучи, строишь из себя философа», и сам первый себя обличаешь: разве я что к тебе писал; не писал и не собираюсь писать. Говоришь мне: «По-философски пишешь»; и весьма несправедливо говоришь, будто бы я, оставив почитаемые писания, стал писать из Гомера, и Аристотеля, и Платона, прославившихся эллинскими хитростями. Если я и писал, то не к тебе, а ко князю, да и к тому не скоро. А если ты огорчился, что я чем-то тебя задел, то Бог свидетель, что я просто писал, не искушая твоего благоразумия.

Максим Грек

51. О пришельцах-философах

Так как многие обходят грады и страны, иные ради купли, другие для различных художеств и ремесел, некоторые же и для проповедания другим книжного учения – или греческого, или латинского, то есть, римского, – и одни из них вполне образованы, а другие только на половину, некоторые же совсем и не начинали обучаться познанию научных книг, как то: грамматике, риторике и прочим уважаемым эллинским наукам, однако хвалятся знать все, дабы этим способом приобрести себе выгоды и средства к пропитанию, – я рассудил, что справедливость требует оставить вам, господам моим, несколько строк, написанные мною эллинским способом, достаточным для испытания всякого хвалящегося. Если кто после моей смерти придет к вам, то если он в состоянии будет перевести вам эти строки согласно с моим переводом, – верьте ему как доброму и опытному. Если же не может перевести вполне согласно моему переводу, не верьте ему, хотя бы он тысячу раз хвалился, и прежде спросите его, каким размером сочинены эти строки, и если скажет эпическим (гекзаметром) и элегическим (пентаметром), то он прав. Спросите его еще, сколько стоп имеет тот и другой размер? И если ответить, что эпический размер имеет шесть стоп, а элегический – пять, то не имейте никакого сомнения в том, что он очень хорош, и примите его с любовью и честью, и сколько бы времени он ни пожелал прожить у вас, награждайте его, не скупясь, а если пожелает возвратиться в свое место, отпустите его с миром, а насильно не удерживайте у себя таковых: это не похвально, не справедливо и для земли вашей не полезно, как и Гомер премудрый говорит, законополагая о страннлюбии: «Следует, – говорит, – любить поэта, проживающего у вас, а если хочет уйти, отпустить».

Николай Спафарий. Хрисмологион

Пишетъ бо ѿ славнаго ппореица ѿмнръ:
нѣсть благо многоплодѣнїе, еди́нъ
цнзъ да бѣдетъ, еди́нъ, сего роди
н бгъ еди́нъ естъ. Глетъ бо во второ^м
запонтѣ соимъ бгъ: слыши ісраилю,
гдъ бгъ ппой еди́нъ естъ.

Симеон Полоцкий Орел Российский

- Сама Афина едва zde довлеет,
- толику славу Россия имеет.
- Омир, преславный в стихотворении,
- не мог бы пети о сем явлении.

С. Полоцкий К гаждателю

- Худник стихов Омирих нѣкто Зоил
бѣше,
писанием си славу онаго терзаше;
Но ничто успѣ в людех, всѣми бо
познася,
яко с зависти его та худа зачася.

ПОВЕСТЬ О СОЗДАНИИ И ПЛЕНЕНИИ ТРОИ И О ПОСЛЕДНЕМ ЕЕ РАЗОРЕНИИ, КОТОРОЕ СЛУЧИЛОСЬ ПРИ ДАВИДЕ, ЦАРЕ ИУДЕЙСКОМ

В другом же месте пишется, что из стекла, меди и воска был изготовлен серый конь, видом подобный коню, и в нем заперли триста витязей, то есть бояр вооруженных. И, когда ввозили его в город, то ворота разрушили, ибо не проходил он в ворота, и тогда воины разбили остриями мечей стекло, выскочили и многих посекали. Подоспело и все множество войска в кораблях и посуху, иссекли троянских вельмож, а других побросали в море.

Привели же Александра и Елену царицу к Менелаю. И сказала ему Елена: «О, господин мой царь! Ты был совсем слеп, если оставил меня с Александром Фарижем, чтобы он прельстил меня своим обманом». И отвечал ей царь: «О, госпожа Елена! Я сейчас сделаю так, что никто другой тебя не соблазнит». И приказал отрубить ей и Александру головы. И с ними Поликсену, дочь Приама царя, приказал казнить на могиле Ахиллея, так как из-за нее он погиб. А Екаму царицу, мать ее, и вместе с нею прочих знатных горожанок и боярынь раздали (победителям). Ведомые (в полон) горько плакали, царица же Екама утешала их: «Я смогу ваши слезы осушить». И других женщин выволакивали из чертогов новопостроенных, и младенцев разбивали о стены, и земля пропиталась кровью убитых. И, попросту говоря, плач стоял повсюду, и все лютое и тяжкое выпало на долю города. И огню предали и сожгли до основания прекраснейшую и славнейшую среди городов Трою.

Написал же повесть о пленении Трои песнотворец Омир.

Гомер – монотеист

Апологеты о Гомере

- Апологеты:
- Иустин Философ
- Климент Александрийский
- Псевдо-Иустин
- Феофил Антиохийский
- Афинагор Афинский
- Ипполит
- Мильтиад
- Аполлинарий Иерапольский
- Гермий
- Татиан
- Тертуллиан
- Минуций Феликс
- Иринеи Лионский
- Ориген
- Арнобий
- Лактанций

Ириной. Опровержение всех ересей

- Не видишь ли, любезный друг, что эти учителя имели в виду больше Зевса Гомерова, который от беспокойства не спал, но все думал, как бы почтить Ахиллеса и погубить множество греков, чем Владыку вселенной, Который вместе с тем, как имеет мысль, и совершает то, что восхотел, и вместе с хотением имеет в мысли, что восхотел, Который имеет в мысли тогда, когда что хочет, и тогда хочет, когда имеет в мысли, будучи весь мысль (весь – воля, весь – ум, весь – свет), весь глаз, весь слух, весь источник всех благ.

Ириной. Опровержение всех ересей

- И если Отец всего будет раб необходимости и должен уступать судьбе, неохотно терпя то, что происходит, и ничего не может сделать против необходимости и судьбы, – так же, как Юпитер у Гомера, говорящий о необходимости: «я дам тебе охотно, но не хотя»; – тогда согласно с таким рассуждением и их Глубина окажется рабом необходимости и судьбы.
- Ибо время от тридцатого до пятидесятого года никак не может считаться за один год, разве только тем из эонов, которые по порядку восседают близ Глубины в Плироме, могут быть назначены столь длинные годы; о никто сказал и поэт Гомер, вдохновляемый конечно матерью их заблуждения:
: Восседая близ Зевса теперь стали боги
На землю златую

Афинагор Афинский. Прошение о христианах

- Страшный в войнах, помощник Зевса против титанов является слабейшим Диомеда: «Свирепствовал словно Арей сотрясатель копья».
- За молчи, Гомер: Бог не неистовствует. А ты представляешь мне Его и злодеем и губителем людей: «Бурный Арей, истребитель народов, кровью покрытый!», и описываешь его предлюбодеяние и оковы

Феофил Антиохийский.

Послание к Автолику

- *И действительно, поэты Гомер и Гезиод, вдохновенные, как говорится, музами, говорили под влиянием фантазии и обольщения, от духа не чистого, но обманчивого.*

...Сам Каин также имел сына, которому имя Енох. И построил он город, который назвал именем сына своего Еноха, с того времени начали строить города и это еще прежде потопа, а не как ложно говорит Гомер: «нигде не был еще построен город человеческий».

...Итак, писатели, говорившие о множестве богов, возвращались к единовластительству Божию, отрицавшие Промысл, говорили о Промысле, утверждавшие отсутствие суда признавали, что будет суд, и не допускаявшие чувства по смерти, признавали, что оно останется. Так Гомер говорил: «Душа отлетела подобно сну».

Иустин Философ, Апология:

- Если бы смерть вела в состояние бесчувствия, то это было бы выгодно для всех злодеев. Но так как у всех живших остается чувство, и всем предлежит вечное мучение, то не колеблитесь убедиться и верить, что истинно то, что я говорю. В самом деле, пусть даже некромантия и предсказания посредством неоскверненных мальчиков, и вызывания душ человеческих, и так называемые у магов наводители снов и гении-хранители, со всеми действиями людей, занимающихся этим – пусть убедят вас, что души и по смерти сохраняют чувство. Пусть уверят вас в этом люди, одержимые душами умерших и бросающиеся вниз, которых все называют бесноватыми и безумными, – и так называемые у вас оракулы Амфилоха, Додоны и Пифии и другие им подобные, – и учение писателей Эмпедокла и Пифагора, Платона и Сократа, **и Гомеров ров, и сошествие Улисса, чтоб видеть умерших**, и мнения других, говоривших то же. Послушайте нас, по крайней мере, наравне с ними, мы не менее их веруем Богу, а даже более, потому что мы надеемся опять получить умершие и в землю обратившиеся тела наши, утверждая, что нет ничего невозможного для Бога.

Климент Александрийский. Строматы

- Бог одного одаряет способностью к брани, другому Зевс танца искусство дарует или игры на кифаре, - говорит Гомер.
«Но каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе». (1Кор. 7:7.)

Климент Александрийский.

Строматы

- ...изречение «познай себя» очень многозначительно. Оно указывает на то, что ты смертен и рожден человеком, напоминает тебе о том, что ты есть в сравнении с величию Жизни, не важно, говоришь ли ты, что ты знаменит и богат или, напротив, ты считаешь, что ты богат, но людская молва не предоставляет тебе привилегий, тебя достойных. Познай, говорит мудрец, откуда ты, по чьему образу создан, какова твоя сущность, кто тебя сотворил и каково твое отношение к Богу и тому подобное.
- Ведь говорит дух через Исаию пророка: «Дам я тебе сокровища, сокрытые, тайные». (Ис. 45:3.) Эти сокровища и «богатства неистощимые» (Лк. 12:33.) есть мудрость, столь нелегко достижимая.

Однако и поэты, научившись этой теологии у пророков, философствуют со скрытым смыслом. Таковы Орфей, Лин, Мусей, Гомер, Гесиод и другие, отмеченные мудростью. Их поэтическое чародейство – это как бы занавес от толпы. Значение снов и символов они скрывают от непосвященных не из ревности (недостойно ведь считать Бога подверженным страстям), а для того, чтобы через постижение скрытого смысла, ищущий в своем исследовании сам смог бы прийти до уяснения

Климент Александрийский. Строматы

- Что же касается сотворения человека из праха, то философы постоянно говорят о теле, как имеющем земляную природу. Гомер, не сомневаясь, произносит такое проклятие:

Да станьте вы все водою и грязью!

- Так же говорит и Исаия: «И нога ваша пусть попирает их как грязь». (Ис. 41:25.)

Климент Александрийский. Строматы

- И Гомер в мифе о разводе Тифии и Океана не представил ли отделение воды от земли и образование суши? Он говорит:
- Долго любезные сердцу, объятий и
брачного ложа,
долго чуждаются боги...

Климент Александрийский. Строматы

- Гомер, описывая щит, скованный Гефестом, в полном согласии с Моисеем, сказал:

Там представил он землю,
представил и небо и море (...)

Все прекрасные звезды, какими
венчается небо.

Климент Александрийский.

Строматы

Семь дней – это движение семи планет и дела творения, совершающиеся в течение семи дней и ведущие к успокоению. Через все эти [планетарные] блуждания и движения путь ведет на небо, к восьмому движению и восьмому дню. Четыре же дня пути, которые совершает душа, означают продвижение через четыре стихии.

Священную седмицу почитали не только иудеи, но и эллины, ведь в соответствии с семеричным циклом движется весь космос, живая и растительная природа.

Гесиод выразил это так:

Дни священные, день пред первым числом, и четвертый,
день седьмой...

И снова:

В седьмой день заблистал солнечный свет.

И Гомер:

И на седьмое, когда настал святой день...

И опять:

Семерка – святое число.

И еще:

И в день седьмой, когда все свершится...

И наконец:

На утро седьмое оставили мы реку Ахерон.

Климент Александрийский.

Педагог

Необходимо истолковать и последующее изречение апостола: (Как младенцам во Христе) «Я питал вас молоком, а не твердою пищею, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах» (1 Кор. 3:2). Это изречение, как мне кажется, уже не может быть истолковано по отношению к иудейству, если противопоставить ему другой текст Писания: «Я выведу вас в землю, где течет молоко и мед» (Исх. 3:8, 17; и во многих других местах). Размышляющий внимательнее об этих местах Писания наталкивается здесь на значительную трудность. Если начальным фазисом веры во Христа состоит питающийся молоком младенческий возраст (веры) и если фазис этот равнозначен несовершенству ее, то как же тогда блаженный покой христианина, познанием одаренного (гностика) и совершенного, наступающий уже по вкушении этой (твердой) пищи, опять называется молоком, т. е. пищей младенческого возраста? Нельзя же думать, что это место содержит нечто противоречивое; оно, конечно, весьма точно и должно быть читаемо примерно так: «Я питал вас молоком во Христе». Теперь присоединим к этому стоящее через некоторый промежуток другое выражение: «как младенцам». Такое сочетание отдельных выражений дает следующий смысл: через устное изложение перед вами учения о Христе я питал вас простой питательной и соответствовавшей вашему возрасту духовной пищей. Ибо именно такими свойствами отличается истекающее из любящей груди молоко, которым питается все живое. Следовательно, в целом то слово апостола надлежит понимать таким образом: как кормилицы питают молоком новорожденных детей, подобно этому и я питал вас молоком Христовым, Божественным словом, вливая в вас по каплям эту духовную пищу. Выходит, таким образом, что молоко далеко не представляет из себя пищи несовершенной, и есть пища совершенная, так как она ведет к вечному блаженству. Поэтому-то и в месте покоя нам обетованы те же самые молоко и мед. Столь естественно Господь здесь вновь обещает праведникам молоко, дабы этим обетованием и о том, и о другом сказать ясно, и об альфе, и об омеге, о начале и о конце (Откр. 1:8; Откр. 21:6; Откр. 22:13), ибо под образом молока иносказательно говорится о Логосе. **О том же поет и Гомер. Состоя невольным пророком, он называет праведных «галактофагами» (млекоедами).**

Климент Александрийский.

Педагог

- И молоко легко переносит добавление меда; этот содействует очищению его и вместе с тем придает сладость ему, ощущаемую при вкушении. Логосом исцеляются страсти, так как Он проникнут человеколюбием, вместе с тем Он очищает от грехов. И гомеровское это слово о Несторе» Сладше меда текло его слово, мне кажется, сказано с отношением к Логосу, который есть мед. Во многих местах и пророчество ставит Его «сладше меда и капель сота».

Псевдо-Иустин.

Увещевание к эллинам

- Итак, должно вам, эллины, предусматривая будущее и взирая на суд, возвещаемый не только нашими святыми мужами, но и чуждыми нам, не держаться слепо заблуждения ваших предков и не считать за истину того, что они, по обольщению своему, предали вам; но понимая, как опасно погрешить в столь важном деле, вы должны тщательно исследовать и испытывать то, что сказано вашими, как вы называете их, учителями. Ибо в они, по действию божественного примышления о людях, были принуждены невольно сказать многое в нашу пользу, особенно те, которые были в Египте и воспользовались религиозным учением Моисея и его предков. Думаю не безызвестно некоторым из вас, если читали вы сочинения Диодора и других историков, что **Орфей, Гомер и Солон, написавшие законы афинянам, также Пифагор и Платон и другие некоторые, бывши в Египте и воспользовавшись писаниями Моисея, после того высказывали мысли противоположные прежним их ложным мнениям о богах.**

Псевдо-Иустин. Увещевание к эллинам

- Но Платон узнал в Египте свидетельства пророков и принял их учение о воскресении тела, и потому учит, что душа подвергается суду вместе с телом.
Вот как Одиссей говорит о Алкиною видении теней умерших:
Тития также увидел я, сына прославленной Геи,
- Девять заняв десятин под огромное тело, недвижим
- Там он лежал; по бокам же сидели два коршуна, рвали
- Печень его и терзали когтями утробу

Псевдо-Иустин.

Увещевание к эллинам

- Очевидно печень принадлежит не душе, а телу. Таким же образом Гомер написал о телесных мучениях Сизифа и Тантала. А что Гомер был в Египте и многое из того, что узнал там, он перенес в свою поэзию, об этом ясно свидетельствует нам славнейший из историков Диодор. Так, по его словам, Гомер в Египте узнал, что Елена принесла в Спарту «непентес, сок сладкий и сердцу забвенью бедствий дающий», который она получила от Полидамны, жены Фова, и этим лекарством, как говорит Гомер, Елена воспользовалась, чтобы утолить скорбь Менелая, возбужденную присутствием Телемаха. Венеру Гомер назвал золотой на основании того, что видел в Египте: он звал там и храм, посвященный золотой Венере, и поле, названное этим именем. Но для чего мы приводим все это?

Псевдо-Иустин. Увещевание к эллинам

- Для того, чтобы доказать, что Гомер также внес в свои поэмы многое из священных сказаний пророков, и во-первых то, что говорится Моисеем о начале миротворения. Моисей написал так: «в начале сотворил Бог небо и землю, потом солнце, луну и звезды». Гомер, который в Египте с удовольствием прочитал то, что написано Моисеем в книге Бытия, воспроизвел ту же картину творения мира на щите Ахиллеса, сделанном Гефестом. Вот Гомерово описание:
- Там представил он землю, представил и небо и море,
Солнце в пути неистомное, полный серебряный месяц,
Все прекрасные звезды, какими венчается небо

Псевдо-Иустин.

Увещевание к эллинам

- И описание у Гомера сада Алкиноева весьма походит на изображение рая; он представляет его всегда цветущим и наполненным плодами. Вот стихи Гомера:
- росло там
- Много дерев плодоносных, ветвистых, широковершинных,
- Яблонь и груш и гранат, золотыми плодами обильных,
- Также и сладких смоковниц и маслин, роскошно цветущих;
- Круглый там год и в холодную зиму и в знойное лето
- Видимы были на ветвях плоды; постоянно там веял
- Теплый зефир, зараждая одни, наливая другие;
- Груша за грушей, за яблоком яблоко, смоква за смоквой,
- Грозд пурпуровый за гроздом сменялись там созревая.
- Там разведен был и сад виноградный богатый; и грозды
- Частью на солнечном месте лежали, сушимые зноем,
- Частью ждали, чтоб срезал их с лоз виноградарь; иные
- Были давимы в чанах; а другие цвели, иль осыпав
- Цвет созревали и соком янтарногустым наливались

- Эти слова не представляют ли ясного подражания описанию рая у первого пророка Моисея?

Псевдо-Иустин.

Увещевание к эллинам

- Если кто также обратит внимание на столпотворение, посредством которого люди того времени мечтали устроить себе восход на небо, то найдет у того же поэта аллегорическое подражание сему. Говоря об Оте и Эфиалте, Гомер так изображает их:
- Дерзкие стали бессмертным богам угрожать, что Олимп их
- Шумной войной потрясут и губительным боем взволнуют;
- Оссу на древний Олимп взгромоздить, Пелион многолесный
- Взбросить на Оссу они покушались, чтоб приступом небо
- Взять...

Псевдо-Иустин.

Увещевание к эллинам

- Подобным образом, кто будет внимательно посмотреть, найдет у Гомера и о падении с неба врага человечества, которого священные Писания называют дьяволом и который получил такое имя от первой клеветы, употребленной для обольщения человека. Поэт не упоминает имени дьявола, но дает ему название от самого низкого его действия; он называет его Атою (Обидою) и говорит о низвержении ее с неба, как бы вспоминая слова о нем пророка Исаии. Так он написал в своей поэме:
 - Схватил он Обиду за пышноблестящие кудри,
 - Страшным пылающий гневом, и клялся великою клятвой,
 - Что на холмистый Олимп и звездами венчанное небо
 - Ввек не взыдет Обида, которая всех ослепляет.
 - Так произнес он; и махом десницы от звездного неба
 - Ринул ее, и упала она на дела человека

А началось все с них

ФИЛОН
АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ

ИОСИФ ФЛАВИЙ

Филон Александрийский.

О посольстве к Гаю

- Сначала он стал уподобляться так называемым полубогам — Дионису, Гераклу, Диоскурам, а Трофония, Амфиарая, Амфилоха и им подобных вышучивал за их прорицания и тайные обряды, сравнивая их могущество с собственным. Потом стал примерять, как на театре, различные костюмы: то шкуру льва наденет, палицу возьмет (все позолоченное!) — и готов Геракл, то войлочную шляпу, когда захочет быть Диоскуром, а порою Дионисом делается с плющом, и тирсом, и оленьей шкурой.
«Но, — думал Гай, — я тем отличен от этих богов, что у них каждому воздаются свои почести, а чужих никто присвоить не может», и потому из зависти и жадности он присвоил себе почести всех богов разом, а лучше сказать — самих богов, не сделавшись трехглавым Герионом для привлечения толпы зевак, но изменяя свой облик и очертания (и это было куда как необычно), чем создавал великое многообразие форм на лад Протея, а тот, как показал нам Гомер, мог изменяться всячески, как в мельчайшие частицы, так и в образуемых ими животных и растения.

Филон Александрийский.

О смешении языков

Нечестивцы, недовольные государством наших предков, вечно поносящие и обличающие его установления, всходят на корабль своего безбожия по сходным речей такого рода: неуж-то Законы для вас по-прежнему исполнены высокого смысла, как будто в них — правила самой истины? Да посмотрите: в пресловутых ваших священных книгах есть и такие предания, которые вчуже смешны и вам самим. Впрочем, нужно ли быть злокозненными крючкотворами и выискивать примеры по всему законодательству? Не проще ли взять то, что близко под рукой? Одно такое предание похоже на историю с Алоадами. Как говорит великий и досточтимый поэт Гомер, они задумали взгромоздить друг на друга три самые высокие горы в надежде, что это сооружение, поднятое в эфирные выси, облегчит путь на небо желающим туда взойти. А в стихах это звучит так:

Оссу на древний Олимп взгромоздить, Пелион многолетий
Взбросить на Оссу они покушались, чтоб приступом небо
Взять...

где «Олимп», «Осса» и «Пелион» суть названия гор. А у Законодателя вместо них — башня, которую строили тогдашние люди, по глупости своей и надменности пожелавшие коснуться неба. Не крайнее ли это безумие? Ведь даже если все континенты поставить друг на друга, подведя небольшое основание и соорудив нечто вроде колонны, то и тогда до эфирной области останутся расстояния и расстояния, что совершенно сообразно с мнением философов, исследующих природу и единодушно полагающих Землю центром Вселенной.

Иосиф бен Маттиягу

Иудейские древности

- Итак, Давид, изгнав из Иерусалима иевуситов, первый назвал этот город по своему имени, потому что праотце нашем Авраме он носил имя Солимы. Ввиду этого, по заявлению некоторых, и Гомер называл город Солимою; он называет святилище солимою, что на еврейском языке означает "спокойствие".

Русские переводы «Илиады»

- Ломоносов Михаил Васильевич
- Кондратович Кирьяк Андреевич
- Екимов (Акимов, Якимов) Пётр Екимович
- Костров Ермил Иванович
- Мартынов Иван Иванович
- Кронеберг Иван Яковлевич
- Гнедич Николай Иванович
- Жуковский Василий Андреевич
- Ордынский Борис Иванович
- Минский (псевдоним; наст. фамилия Виленкин) Николай Максимович
- Грузинский Алексей Евгеньевич
- Радциг Сергей Иванович
- Вересаев (псевдоним; наст. фамилия Смидович) Викентий Викентьевич
- Шуйский Павел Александрович
- Прихожан Пётр Борисович
- Вашуткин Николай Иванович
- Сальников Александр Аркадьевич

Перевод К. Кондратовича, 1758—1759

- (По А. Е. Егунову) «Героический характер гомеровской поэмы совершенно исчезает в переводе Кондратовича. При описании военных действий Кондратович пользуется терминами своего времени, так что читатель, пока не натолкнется на имена гомеровских героев, может и не догадаться, что речь идет о троянской войне, например: «...убил пред фрунтом... и пошел в первый фронт... издалека, из самой линии... закричали ура...», «...приуготовлялись к бою, созвавши генералитет». Вместо слова «оружие» Кондратович постоянно употребляет слово «ружьё»: «обходя по всем, ружья переменили и давали доброе ружье храбрым, а худое — робким и, нарядясь в збрую, пошли».

- «Подобное словоупотребление при наличии греческих имен собственных производит особый эффект: «Около богоподобного Ликомеда Креонтовича семь командиров караульных село», «Гектор, снявши с Патрокла изрядное ружье, тащил его, чтоб острой саблей голову ему отрубить». Феникс определяется в переводе Кондратовича как «старый кавалер», Нестор — как «старинный кавалер». «Подвиньтесь даде, кавалеры троянские», — говорят у него герои Гомера; иногда слово «кавалерия» употребляется и в значении «лента», «повязка»: «...развязал кавалерию разноцветную».

- То же самое и в сценах мирного быта: «...небесный же блистатель Юпитер пошел на свою кровать, где прежде сыпал», «...богини в тамошнем доме жительство имеет», «...богоподобный Телемак, сидящий между волокитами» (т.е. в кругу женихов Пенелопы); «...пречестная нимфа Калипса... особенно желая за его (т.е. Одиссея) замуж выйти». Или: «...ответствовала ему потом сероглазая богиня Паллада: о батюшка наш, Юпитер Сатурнович».

- Имена богов Кондратович оставляет латинские (иногда правильно беря их основу: так, Парис у него — Парид, что, к сожалению, не укоренилось у остальных переводчиков), но патронимикон передает русским отчеством. Реквизит поэм Кондратович совершенно модернизирует: у него встречаются «штиблеты с серебряными пуговицами», «раструбистые сапоги», «пригожие башмаки», «юпка», «душегрейка», «полукафтан», «епанча», на Телемаке — «рубашка», у подруг Навзикаи на голове «чепцы».
- Вставка иностранных слов в русское просторечье делает перевод Кондратовича местами похожим на язык повести петровского времени: «Государь батюшка! Пожалуй, прикажите заложить карету высокую». Или: «...из которой земли и из какой он фамилии?», «...ему два рыцаря служили», «...пояс рыцарский пунцового цвету...», «...руку положи на серебряный эфес...».
- Не чужды переводу Кондратовича выражения фольклорные или уместные лишь для описания древнерусского быта: «слыхом слышали», «удалые молодцы», «золотой друг», «играть на гусях», «в парчовое платье убираться», «весь день бога славили».

Гомеровские персонажи «Агамемнон Андреевич и прочие бояре греческие» и «иные троянские барыни» изъясняются у Кондратовича между собою в таком роде: «Ах, беда! сколь справедливый плач греческой земле случился», «О несчастливый Парид, красноличен, бабин обманщик... или б холостой погиб!», «Начал говорить великий Аякс Теламонович: Ба! Теперь может и самый дурак познать, что Юпитер-отец троянцев прославляет», «О, дай бог! Чтоб ты тогда между морскими богинями там пребывала», «Сероглазая Минерва бешеного Марса рукой взявши, сказала ему: „Марс, Марс! погуболюдный, доставатель каменных стен"», «Диомед Тидеевич! Любезнейший мой! Ты того Марса не бойся, ни другого какого из бессмертных», «Елена Гектору ласково сказала: „Свояк мой! Меня собаки! которая в худой вдаюсь свет, окаянная!"».

Перевод М. В. Ломоносова,

1784 г.

- Пустила по земли заря червленну ризу;
Тогда созвав богов Зевес-громодержитель
На высочайший верьх холмистого Олимпа,
Отверз уста свои; они прилежно внемлют:
"Послушайте меня, вси боги и богини,
Когда вам объявлю, что в сердце я имею.
Ни мужеск пол богов, ниже богинь пол женский
Закон мой преступить отнюд да не дерзает,
Дабы скорее мне к концу привести всё дело.
Когда увижу я, из вас кто с неба сойдет
Во брани помощь дать троянам либо грекам,
Тот ранен на Олимп со срамом возвратится;
Или, хватив его, повергну в мрачный Тартар,
Далече от небес в преглубочайшу пропасть,
Где твердой медной пол и ворота железны". (VIII,
1--15)

Перевод Н. И. Гнедича, 1829

- Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахеянам тысячи бедствий
соделал:
Многие души могучие славных героев
низринул
В мрачный Аид и самих распростер их в
корысть плотоядным
Птицам окрестным и псам (совершалася
Зевсова воля),
С оно́го дня, как, воздвигши спор, воспылали
враждою
Пастырь народов Атрид и герой Ахиллес
благородный.

Эпиграммы А. С. Пушкина на перевод Гомера

- Крив был Гнедич поэт, предложитель слепого Гомера,
Боком одним с образцом схож и его перевод.
- Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи;
Старца великого тень чую смущенной душой.
- С Гомером долго ты беседовал один,
Тебя мы долго ожидали,
И светел ты сошел с таинственных вершин
И вынес нам свои скрижали...

Перевод В. В. Вересаева,

1949

- Пой, богиня, про гнев Ахиллеса, Пелеева сына,
Гнев проклятый, страданий без счета
принесший ахейцам,
Много сильных душ героев пославший к
Аиду,
Их же самих на съеденье отдавший добычею
жадным
Птицам окрестным и псам. Это делалось,
волею Зевса,
С самых тех пор, как впервые, поссорясь,
расстались враждебно
Сын Атрея, владыка мужей, и Пелид
многосветлый.

Перевод П. Прихожан

- Воспойте, Музы, страшный гнев
Ахилла:
сменились времена, но до сих пор
несчастливая Эллада не забыла,
чем завершился тот давнишний спор.
В той распре с жизнью многие
расстались...
Была кровью их обильно край полит;
тела их псам и воронью достались,
а души их низринулись в Аид.

Перевод Н. И. Вашуткина

- Гнева богиня, воспой Ахиллеса -
Страшно обижен, мрачней он Гадеса.
Деву пленённую дали в награду.
Деву, которой все были бы рады.
Пастырь народов отнял эту деву,
Вред, причинив тем всеобщему делу.
В стане своём сын Пелеса тоскует,
Кто подойдёт к нему - жизнью рискует.
Больше не манят героя сраженья -
Терпят ахейцы в боях пораженья.
Слава сбежала от храбрых куда-то
Войско не видит героя собрата.
Много бесстрашных погибло на поле.
Видно на то была Фебова воля.
Псы и стервятники плоть их терзают.
Души в Аиде покоя не знают.

Перевод А. А. Сальникова, 2011

- Гнев, о, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына!
- Гнев неумный его много бедствий ахеянам сделал:
- Тысячи душ погубил он могучих и славных героев,
- В мрачный Аид их послав! А тела же оставил окрестным
- Птицам и псам! Такова была воля бессмертного Зевса
- С самого дня, как раздор обернулся жестокой враждою
- Между Атридом царём и героем войны Ахиллесом.

Вариант перевода Л. С. Клейна

Заведи-ка, богиня, песнь про обиду проклятую Ахиллея,
Что Пелеев сын, ведь она великие навлекла на ахейн бедствия,
Как низвергла могучих героев души враз в преисподнюю,
А самих-то окрестным псам на лихое повергла терзание
Да хищным птицам на пир. Уж сбывалася воля Зевсова
С того дня, как промеж собой возгорелись враждою лютою
Сын Атревс, мужам повелитель, и пресветлый герой Ахиллей.

Это, конечно, не образец поэтического перевода, не конкуренция Гнедичу или Вересаеву, а только намек на то, как должен звучать, на мой взгляд, русский текст эпоса, максимально близкий по фонетическому воздействию к звучанию оригинала и более точный по смыслу.

Н. И. Гумилев

- Я закрыл Илиаду и сел у окна,
На губах трепетало последнее слово,
Что-то ярко светило — фонарь иль луна,
И медленно двигалась тень часового.

Я так часто бросал испытующий взор
И так много встречал отвечающих взоров,
Одиссеев во мгле пароходных контор,
Агамемнонов между трактирных маркеров.

Так, в далекой Сибири, где плачет пурга,
Застывают в серебряных льдах мастодонты,
Их глухая тоска там колышет снега,
Красной кровью — ведь их — зажжены горизонты.

Я печален от книги, томлюсь от луны,
Может быть, мне совсем и не надо героя,
Вот идут по аллее, так странно нежны,
Гимназист с гимназисткой, как Дафнис и Хлоя.

О. Э. Мандельштам

- Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочел до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,
Что над Элладою когда-то поднялся.
- Как журавлиный клин в чужие рубежи —
На головах царей божественная пена —
Куда плывете вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?
- И море, и Гомер — все движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит,
И море черное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью.

Телемаку

Мой Телемак,
Троянская война окончена.
Кто победил — не помню.
Должно быть, греки:
столько мертвецов
вне дома бросить могут только греки...
И все-таки ведущая домой
дорога оказалась слишком длинной,
как будто Посейдон, пока мы там
теряли время, растянул пространство.
Мне неизвестно, где я нахожусь,
что предо мной. Какой-то грязный остров,
кусты, постройки, хрюканье свиней, заросший сад,
какая-то царица, трава да камни...
Милый Телемак,
все острова похожи друг на друга,
когда так долго странствуешь, и мозг
уже сбивается, считая волны, г
лаз, засоренный горизонтом, плачет,
и водяное мясо застит слух.
Не помню я, чем кончилась война,
и сколько лет тебе сейчас, не помню.
Расти большой, мой Телемак, расти.
Лишь боги знают, свидимся ли снова.
Ты и сейчас уже не тот младенец,
перед которым я сдержал быков.
Когда б не Паламед, мы жили вместе.
Но, может быть, и прав он: без меня
ты от страстей Эдиповых избавлен,
и сны твои, мой Телемак, безгрешны

О. С. Ладыженский

Одиссей, сын Лаэрта

● III. Прощальная

-
- – Налей-ка, братец, вина мне в кубок,
- Помянем прошлых, усопших пьяниц –
- Пускай в Эребе теням безгласным
- Легко икнётся от нашей песни!..
-
- Налей-ка, братец, не будь занудой,
- Пока мы живы, помянем мёртвых –
- Когда отчалим в ладье Харона,
- Пусть нас живые добром помянут!..

● **IV. Возвращение**

-
- И так, И така. Чудный каламбур
- Дарован мне.
- Я испытал на собственном горбу
- Превратность дней.
- Пришла пора допрашивать судьбу
- Наедине.
-
- Во сне мечталось: скребницей скребу
- Родных свиней.

● VI. Перечитывая Гомера

- Не моей была Эллада
- Одиссея и Паллады,
- Олимпийцев и титанов –
- И моей уже не станет
- эта древняя Эллада.
- Ладно.
-
- «Гнев, богиня, воспой, и любовь, и надежду, и ярость,
- Злую тоску по ночам, горький смех, и веселье души.
- Что же ещё воспевать в этом мире, когда не мгновенья порывов,
- Тех, что бессмертья взамен смертным в награду даны?!»

● VII. Песнь гребцов

-
- Остров Заката
- Манит покоем,
- Ручьями плещет.
- Не пей, о странник,
- из тех ручьев.
- Покой опасен,
- Покой обманчив,
- Покой – покойным.
- Ты жив, мой странник,
- спеши уйти.
- Остров Восхода
- Манит лавиной,
- Прельщает бурей.
- Беги, о странник,
- не жди обвала.
- Жизнь человека
- Посередине,
- На тонкой нити
- Между покоем
- и ураганом...

VIII. Одиссей у Лаэрта

Папа, прости, что так долго.
Честное слово, спешил.
Камень бессмертного долга
Тяжек для смертной души.

Папа, я груб и циничен.
Сам понимаешь – война.
Словно микенский возничий,
Пью слишком много вина,

Женщин люблю равнодушно,
В силах убить малыша...
Знаешь, мне скучно, мне душно –
Я разучился дышать,

Путь мой усталостью мечен,
Словно рапсода строка –
Жду, когда снова на плечи
Ляжет родная рука.

Папа, мне жалко, что мама...
Ладно, давай помолчим.
Клочья бывшего тумана
Медленно тают в ночи,

Трепет уснувшего дома,
Вяжущий вкус черемши...
Папа, прости, что так долго.
Честное слово, спешил.

Ж. Я был Одиссеем

Я знаю, что боги жестоко играют с провидцами,
Я знаю, Итака – замызганный остров в провинции,
Где ждут без печали,
И встретят, увы, без веселья,
Судьба беспощадна, твои измеряя провинности,
И смерти причина банальна: нехватка провизии, –
Но всё же я был Одиссеем.

Я знаю, что к кручам Скамандра, конечно же, шли не мы,
Что Троя забыта, а после раскопана Шлиманом,
И суть не в Цирцеях,
Когда распадаются семьи,
Шуршит неизбежность по сердцу рифлёнными шинами,
И дело не в страсти, не в памяти, даже не в имени...
Но всё же я был Одиссеем.

Гомер одряхлевший в маразме скучает под липами,
Страдая склерозом: какими-такими Олимпами
Мы грезили, братцы?
В итоге мы жнём, где не сеем.
Я знаю, риф прошлого мифа усеян полипами,
Забыты Аякс, Менелай, Агамемнон и Тлиподем,
Но всё же я был Одиссеем.

Нас мало. Нас горстка. Быть может, лишь двое иль трое нас.
Мы плыли к Итакам. Мы насмерть стояли под Троями.
Нас жёны дождались.
Мы в борозду бросили семя.
Вселенная, в сущности, просто и плоско устроена,
А странников участь – плыть к дому и брезговать тронами...
Я знаю. Я был Одиссеем.

И. А. Спивак

Гомер

- Окончив бег свой, пыльная дорога
Легла, как пес, у дома рыбака,
Лаская серой плотью языка
Последний край последнего порога.

А дальше — море; уж который год
Соленой песни не стихают хоры,
И терпеливо каменные горы
Сквозь плоть воды нащупывают брод.

Закрыв рукой незрячие глаза,
Подставив спину пламенному зною,
Седой старик, отпущенный войною,
Бормочет морю странные слова.

И море различает шепот рока,
Склоняют слух немые корабли: —
Как холодно среди пустынь земли,
Тоскливо как! Как одиноко.